

•

ВЕЛИКИЙ СЕКРЕТ СУПРУЖЕСТВА

Упоминаемый образ: Вера Набокова

Существует впечатляющий нетрафаретный тип женщины, величие которой состоит в том, чтобы, оставаясь вне публичности и всеобщей узнаваемости, тихо и незаметно создать абрис могущества своего партнера. Как неповторимый узор на ковре, выткать который способны лишь мастерицы, обладающие редким терпением. Такие женщины осознанно избегают появления на переднем плане, предпочитая, впрочем, держать ситуацию под контролем как бы из глубины пространства созданного ими же союза с мужчиной. Они только внешне хрупки и податливы, внутри же — каменисты и тверды, как горная гряда. В них есть небывалой прочности стержень, которого обычно не хватает их выдающимся мужьям и силу которого женщины ловко, с молчаливого согласия партнера, выдают за его неоспоримое достоинство. Им доставляет особое удовольствие «создавать» своего мужчину, наслаждаясь собственной архитектурой и зная, что муж в знак бесконечной благодарности проявит невиданную преданность семье. Именно так по большей части и случается, ибо мужчина, если только в нем есть хоть капелька интеллекта, осознает, что судьба в лице такой женщины посылает ему внушительный бриллиант, самый драгоценный из всех на земле. Взамен за великий успех и мирскую славу своего мужа такие женщины получают семейное счастье, потому что семья — их самая значимая, абсолютно непревзойденная профессиональная деятельность. Именно к таким в наше время редким натурам, незаменимым помощницам, дающим необык-

новенную силу своим мужьям, относится наша первая героиня — Вера Набокова.

Великий секрет Веры Набоковой... Существовал ли он? С одной стороны, этот вопрос — риторический, поскольку великое терпение, помноженное на необходимые знания, невиданную гибкость мышления и непрестанную деятельность, с добавлением ежедневной порции ободрения для партнера да еще приправы из искусно выдвинутых требований, — на это как будто способна каждая женщина. Вообще всякая женщина способна на подвиг, если только это соответствует ее представлениям о своем предназначении.

У Веры, в девичестве Слоним, связавшей судьбу с начинающим писателем, взгляд на свою женскую роль оказался именно таким: быть женой-подругой, помощницей, матерью. Владимир Набоков уже умел высекать фонтаны искр из слов, но ему не хватало чего-то очень важного, без чего невозможно войти в большую литературу. По сумме качеств и действий Вера, которую на склоне лет называли не иначе, как «миссис Владимир Набоков», действительно обладала уникальной стратегией, отличительная характеристика которой — динамичность. Что бы ни происходило в жизни Набоковых, Вера никогда не оставалась статичной. В сравнении со многими другими женщинами своего времени это один из ее принципиальных козырей. Конечно, таинства семейного строительства вряд ли возможно копировать, так как всякий раз оно срабатывает как нечто индивидуальное, применимое исключительно в определенном контексте, только к данному человеку. Но некоторые идеи, особенно в той туманной области, где женщина способна вылепить из мужчины гения (ну или хотя бы ощутимо усилить и раскрыть его талант), вне всякого сомнения, окажутся полезными.

В том, что счастливую пару «Владимир и Вера Набоковы», а также «гения Владимира Набокова» в значительной степени создала именно способная и терпеливая Вера Слоним, уверены очень многие. И прежде всего сам Владимир Набоков. Может быть, в этом и есть самое настоящее, священное таинство Веры. Ведь разве не примечательно, что даже принятый в литературном мире, но не признанный повсеместно Сири́н (ранний псевдоним Набокова) свой первый роман «Машенька» завершил через год после женитьбы (да и начал его лишь после оформления отношений с Верой). А затем в течение последующих одиннадцати лет он написал восемь романов, и многие красочные эпизоды ему «подбросила» именно жена. Американская писательница Стейси Шифф, превосходно

отобразившая жизнь Веры с автором *«Лолиты»*, весьма метко назвала ее «собакой-поводырем» и подробно описала «эффект бабочки» самого Набокова, свершившийся под непосредственным надзором Веры. «Без жены я не написал бы ни единого романа», — честно признавался Владимир Набоков, и это признание — во все не запоздалый реверанс. А искреннее благоговение перед человеком, которому он был обязан, может быть, даже больше, чем собственному таланту. Ибо только такая пронизательная натура, как Вера, могла самоотверженно спасти *«Лолиту»* от сжигания автором, стоически перепечатывать ее в течение нескольких лет, называя шедевром (а ведь она запрещала сыну читать даже *«Приключения Гекльберри Финна»*, полагая, что там слишком много непристойностей). Наконец, осознавая всю подноготную сексуальной сублимации мужа, она боролась за него самого во времена отвержения его лучшего произведения.

Итак, никто не станет сомневаться, что многое было скрыто в самой личности Веры Слоним. В поле зрения Владимира она попала уже самодостаточной, сильной и многогранной личностью. Иначе и быть не могло! Сына видного аристократа и богача, с трех лет говорившего на нескольких языках, «английского ребенка» попросту не могла заинтересовать «серая мышка». Молодой человек, который не так давно получил миллионное наследство и издал на свои деньги первый сборник собственных стихов, конечно, мог бы увлечься симпатичной куколкой (что, в принципе, случалось), но сделать выбор в пользу блеклой личности, пусть и с шикарным набором физических качеств, — вряд ли. Вера же училась в престижной частной школе княгини Оболенской, с обучением на французском, с балными танцами, теннисом и классической литературой. Со свободными взглядами на роль женщины и, соответственно, с очень высокими притязаниями. Девочкой она могла с ходу, «прочтя два раза», запомнить стихотворение, в упомянутую школу была зачислена, будучи на три года младше одноклассниц, а в 15 лет без излишнего напряжения она штудировала *«Принципы психологии»* Уильяма Джеймса. Это был живой, активно развиваемый интеллект, жаждущий применения. Но в то же время это была девушка, которую в рамках традиции начала XX века готовили прежде всего к полноценному замужеству, ибо в ее семье среди занятых, с эмансипированным оттенком, идей и всяких новых веяний установка на создание союза с мужчиной все же доминировала. Вся ментальная грация, вся внутренняя сила характера намечалась в силу с детства

впитанных представлений насытиться одним — созданием гармоничной семьи.

Важно, что и сам писатель, признававшийся во множестве добрых связей, тем не менее раздражался утечкой сквозь пальцы творческой энергии, — первый признак жажды стабильности в личной жизни. Несмотря на свою популярность среди неискушенных молоденьких особ, избалованный и несколько щеголеватый жених столкнулся с пренебрежительным отказом родителей той, которой хотел подарить постоянство. За то, что вопреки патентованной образованности и утонченным манерам аристократа он все еще не мог найти сносную работу в свои 24 года. А вот проницательная Вера, милая и невесомая при первом приближении, проявила поразительную цепкость и последовательность в отношениях с молодым литератором. Всем своим существом она вселила в Набокова уверенность, что отныне стабильность души и плоти остановит рассеивание во все стороны его фонтанирующего таланта. На самом деле она с юных лет имела правило — четко и неуклонно двигаться вслед за своими убеждениями и представлениями. В несколько расхлябанном ловеласе Набокове она рассмотрела перспективность, а нехватку душевной гарантии рискнула восполнить собственной внутренней силой, которой — она это хорошо знала — с избытком хватит на двоих. Что касается обращения на себя пристального внимания, то безупречная гуманитарная подготовка Веры быстро дала ей в руки необходимые ключи: восхищение стихами Набокова с бесподобно точным цитированием, умелые впрыски иностранных словечек и мудрые суждения о жизни в неправдоподобно короткие сроки сделали свое дело. Был еще один, так сказать, внешний стимул: на ее глазах как раз в это время распадалась семья родителей, и она, что весьма показательно, больше поддерживала отца, считая мать непоследовательной и недопустимо слабой. То есть она считала, что женщина обязана быть по-своему сильной. Потому правильно было бы предположить: предусмотрительная Вера слишком крепко обвила шею возлюбленного, чтобы уже не отпускать ее ближайшие полстолетия.

Сама Вера всегда оставалась предельно смелой и необычайно решительно действующей, что особенно проявлялось в нестандартных и экстремальных ситуациях. В тяжелые, почти нищенские берлинские годы начального периода совместной жизни с Набоковым она не только работала стенографисткой во французском посольстве и адвокатском бюро, но и успевала учиться и даже давать уроки сама (кстати, никогда не признаваясь в том, что по-

рой ей приходилось одной содержать семью). Ухитряясь сохранять женское очарование и идеальные формы тела, скрывая беременность так ловко, что она стала заметной практически перед самыми родами. Вера, с ее незаурядными лингвистическими познаниями и тонким ощущением оттенков языка (при почти безукоризненном знании нескольких языков), часто несла на своих тонких пока-тых плечиках всю финансовую тяжесть молодой семьи. В этот период Вера в какой-то степени балансировала на грани риска, — отдавая себя всю, почти жертвуя собою ради литературной реализации мужа, она едва ли не походила на Татьяну Михаила Булгакова. Но ключевая разница в том, что Вера рядом с набирающим силу писателем была непревзойденной. Она не просто образованна, но обладает несопоставимыми способностями, которые делают ее единственно необходимой мужу. Если Татьяна Лаппа, которая никогда не занималась собственным развитием, быстро истощилась, духовно исчерпалась и стала Булгакову неинтересна, то Вера ничуть не теряла своей силы и интеллектуального соответствия. И если великое жертвоприношение Татьяны заключалось в обеспечении быта мужа в ущерб себе самой, то Вера не просто трудилась с мужем на равных, — она жила с ним в одном ритме вибраций. И уж взыскательный Владимир хорошо знал, что другой такой ему не найти. Впрочем, был у Веры один момент потери силы, но не бессилия. Это случилось тогда, когда всякая женщина становится уязвимой: оказавшись с маленьким ребенком на руках, вдохновительница великого писателя все же познала горечь измены.

Но и тут Вера достойна уважения: методическая осада заблудшего сознания, не уступающая напору легионеров Цезаря, и еще более впечатляющее вытеснение всякой

•

«Никогда не отказывайтесь от того, что любите».
Это девиз Веры Набоковой.

обиды из своего сознания. «Никогда не отказывайтесь от того, что любите», — заявила Вера в этот период, открыв второй раунд борьбы за необходимого ей мужчину.

Она рассудила верно и по-мужски логично: что могло быть завоено однажды, может стать добычей и второй раз. Но исполнила она захват увязшего в неожиданном любовном романе мужа чисто по-женски — изящно, ажурно, как вышивку тончайшего узора. И в результате потерявшийся мужчина из двух женщин снова выбрал ту, что сильнее, обладает более тонким умом и проявляет большую стойкость. К тому же в возвращении к жене была двойная прелесть: подрастающий сын, и то, что Владимир Набоков называл «райской каторгой», — творческая идиллия, в которой добровольно участвовала Вера. Ни с какой иной женщиной этого не получилось бы, и уж тем более ничего путного не могло выйти в союзе с прелестной соблазнительницей, занимавшейся «профессиональным» выгулом собачек. Пусть даже ей и удавалось отменно играть с Владимиром в ролевые игры, в палача и жертву, например. Но похоть преходяща, и вслед за пресыщением телесными уладами душа писателя все равно восстала бы. Он уловил посыл времени: сгнить заживо в земных объятиях или взмыть ввысь крылатым ваятелем слова. Ангелом или демоном, не важно, — радости физического наслаждения он предпочел ментальную силу. Это важный ключ для любой женщины: настоящий принц и будущий король не падают на ласки, — такому всегда нужно нечто большее. Впрочем, так бы поступило большинство мужчин, ориентированных на весомые достижения; и напротив, только потерянный навеки самец уходит в крестовый поход за любовью, ибо никогда не породит он бессмертный шедевр. Для таких сексуальное долголетие только и служит доказательством, что они еще живы, но с физической смертью наступает и распад земной энергии, ибо ничего не остается после... В глубине души двойственный, ненадежный, как его однажды назвали, Набоков это хорошо понимал, и Вера сумела своей настойчивостью заставить мужа пройти самую критическую точку их совместной жизни.

Отстояв мужа и отца своего сына, Вера применила одну из самых древних и действенных женских формул успеха: «Убрать раздражители!» Замечательный принцип, во все времена применяемый мудрыми женщинами: смена места обитания, продолжительное путешествие или просто оформление уникального образа жизни в насыщенной сказочными звуками и символами раковине. Мужчина, если только он со своей ветреностью и более острыми

полигамными позывами является слабым звеном в паре, когда лишается раздражителей, лишается необходимости. Разумеется, эта формула срабатывает не всегда и не для всех. Даже более того, она срабатывает лишь в тех редких случаях, когда женщина способна все бреши мужских (совершенно ясно, что далеко не только эротических) желаний закрыть собой, своей сообразительностью и своей мудростью. Для окончательного подавления мятежей женщине придется думать: что уникальное она способна предложить своему партнеру, какую миссию может сформировать у него и на какое предназначение отважится сама? Не факт, что все совпадет...

Но Вера сумела. Арсенал воздействия Веры на мужа начинается с самого ее присутствия в его жизни. Только с ее появлением Владимир сумел сосредоточиться настолько, чтобы из-под его пера вышел роман. Ее ежедневного ободрения хватило, чтобы он произвел на свет шедевр (именно так она и твердила, запрещая Владимиру заниматься переводами, ибо он предназначен для шедевров). Приход в его жизнь Веры ознаменовал не просто стабильность, но отвлечение от импульсов, соблазняющих многих молодых людей и уводящих их от цели к сумбурному непостоянству. Низкие вибрации Набокова были ловко стянуты Верой в узду, взамен он получил весомый капитал, составленный из двойного интеллекта. Она со временем, осторожно и со всей тщательностью медсестры, перевязывающей глубокую рану, оградила мужа от людей, незаметно пресекла возможность его нахождения в кругу привлекательных соблазнительниц. А когда это было невозможно, например во время преподавания мужа в университете, она выступала его сметливой и неразоблаченной ассистенткой. Она стала его неотъемлемой частью, как локомотив поезда. За это ее и прозвали «миссис Владимир Набоков». Она никогда не стояла на месте, никогда не останавливалась, но все, что она делала, касалось либо семьи, либо непосредственно Владимира. И самое главное: в этом она находила истинное удовольствие особого свойства, дающее усталость и удовлетворение одновременно, как от занятия йогой.

Борьба за «*Лолиту*» — отдельная история Веры, потому что поражение было возможно, и оно означало бы крушение всего Набокова, писательский коллапс. Все остальные написанные им книги могли лишь подтвердить и усилить его выразительный литературный талант, но ни «*Машенька*», ни «*Защита Лужина*» не обеспечили бы бессмертия — того, к чему он стремился. Это превращение совершил двенадцатый роман, но годы спустя, в XXI веке, мало кто обращает внимание на такой заковыристый факт,

как наличие значительной временной дистанции между окончанием романа и началом полосы беспримечной славы писателя. Согласно Стейси Шифф, роман был завершен в конце 1953 года, но несколько последующих лет были подобны для автора приближению цунами — такой исполинской волне депрессии, которая, обрушившись на него, могла бы поглотить навсегда. Цепная реакция отказов сопровождалась ужасными комментариями, а один издатель даже предостерегал писателя не посылать рукопись почтой, поскольку «распространять непристойности посредством почты считалось преступлением». Многие после ознакомления с рукописью заговорили о сумасшествии Набокова. Вера тоже была охвачена лихорадкой беспокойства, но, кажется, именно ее стойкость стала нерушимой опорой для Владимира. Она не изменила своего мнения даже тогда, когда для мужа возникла реальная опасность утраты работы в университете. Без Веры Набоков наверняка отступился бы от желания опубликовать всеми отвергаемый роман, и тогда не было бы счастливых лет закрывшегося от всего мира гения, окутанного финансовым благополучием и беспредельной лаской толпы в своем беззаботном швейцарском Монтрё. «*Лолита*» была опубликована почти через два года после написания, но до триумфа было еще слишком далеко. И только в 1957 году, спустя три тревожных года, Набоковы могли выдохнуть неприятно сковывавшее напряжение: скандальный роман оказался в списке бестселлеров, а издатели ряда европейских стран наконец решились на его публикацию.

Итак, что приоткрывает нам Вера? Ее «работа женой» на самом деле была не из легких. Она умело, бескомпромиссно вела переговоры с издателем, а для этого следовало отменно знать множество юридических нюансов. Миссис Владимир Набоков пристально, с неослабевающим вниманием следила за соответствием переводов (с этим уж точно не справился бы никто) и даже выучила ради этого еще один иностранный язык. Она, кроме того, взяла на себя все заботы о доме, о переездах, о вождении автомобиля, наконец. Вера была более чуткой к миру и изменениям в нем, — именно она нашла мужу, что нечего делать за границей писателю русскоязычному — следует переходить на английский. В результате первый роман на английском Владимир Набоков начал писать еще в эмигрантском Париже. Она со временем превратилась в вездесущую женщину-фею и женщину-дьявола одновременно и умела быть то тем, то другим — в зависимости от необходимости. Разумеется, как женщина она многое совершила для мифологизации их семейной жизни. Но

вряд ли будет преувеличением сказать, что последние сорок из пятидесяти двух лет совместной жизни были если не идиллией, то безоблачностью. Не стоит сомневаться — благодаря ей. Дважды на швабру Вера никогда не наступала; получив ожог однажды, она навечно окружила мужа невидимой, однако неприступной стеной. Владимир Набоков, начиная с американского периода жизни, не сделал, не посоветовавшись с Верой, ни единого шага. Специалисты по творчеству Набокова утверждают: образ «недоступного, недостижимого» писателя создала именно Вера, и этот пиар-ход вполне может быть вписан в качестве одной из действенных технологий продвижения создателя любой оригинальной идеи. Эта пара к какому-то моменту стала мыслить одинаковыми критериями и образами; гостившая у них шведская поэтесса впоследствии заметила, что была потрясена тем, как четко Набоковы понимают друг друга с полуслова, с мимолетного намека.

Конечно, не будет новизной и то, что Вера всегда стояла на страже интересов мужа. Это характерно для большинства верных и преданных жен, однако далеко не каждая, подобно Вере, умеет столь досконально знать предмет. В мире литературы она была подлинной акулой, зная и умея аргументировать любое заявление. А заявлений хватало. Например, когда ее спросили о лучших книгах русских писателей, еще не переведенных на английский, Вера в позе мушкетера отстаивала святое убеждение в том, что это самые достойные вещи Белого, Булгакова и Набокова. И при этом миссис Набокова возмущалась, если кто-то осмеливался назвать ее ярой защитницей мужа. Она умела бороться, пользуясь самыми острыми клыками — основательными знаниями, последовательностью и нерушимостью своей позиции.

•

Когда через двенадцать лет после мужа Вера Набокова отошла в мир иной, «Нью-Йорк таймс» назвала ее многозначительно: «жена, муза, агент».

Она была абсолютно надежна и предсказуема для партнера. Могла написать за мужа лекцию и, кажется, если бы было необходимо, то написала бы и книгу. Она умела излучать тепло, сияние, расширяющееся вокруг в виде энергии. И загадочная, ангельская сила этой энергии предназначалась в первую очередь мужу. С ней Владимир Набоков просто не мог не победить. Когда через двенадцать лет после мужа Вера Набокова отошла в мир иной, «Нью-Йорк таймс» назвала ее многозначительно: «жена, муза, агент». Вера Набокова оставалась всегда только лишь женой и помощницей, хотя многие утверждали, что Вера могла бы сама стать недюжинной писательницей и даже составить Владимиру конкуренцию. Не стоит гадать об этом, — она сама избрала роль. И доказала, среди прочего, что такая судьба ничуть не менее почетна, чем у самостоятельных и почти всегда одиноких женщин, спорящих за успех с мужчинами.